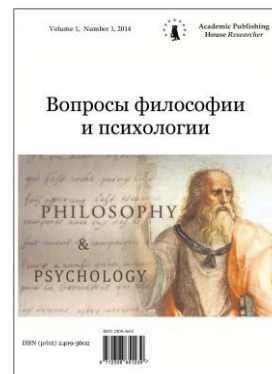

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
E-ISSN 2414-0856
Vol. 7, Is. 1, pp. 29-35, 2016

DOI: 10.13187/vfp.2016.7.29
www.ejournal20.com

UDC 165.0+165.9

The Concept of Truth and Deflationism

Andriy E. Lebid

V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine
Svobody Sq. 4, 61022, Kharkiv
PhD (Philosophy), Associate Professor
E-mail: schwarzschwanenreich@gmail.com

Abstract

The article investigates some aspects of concept of truth. The author proposes the arguments that defines the specifics it in the context of modern epistemology. Ways of representation of the correspondence theory of truth, the causes of the crisis in its perception and evaluation are analyzed. The article is the publication of studies of the analytic heritage of the truth. The subject of the article is basic aspects of the development of a rational experience of the deflationary theory of truth as well as the specific features of methodological approaches of its representatives. The article investigates some aspects of other theories of truth. The author proposes the arguments that defines the specifics it in the context of modern epistemology. Ways of representation of the correspondence theory of truth, the causes of the crisis in its perception and evaluation are analyzed. In this article author presents main results of his studies concerning the analytical tradition in the European philosophical movement.

Keywords: truth, deflationism, correspondence theory of truth, deflationary theory of truth.

Введение

Философия, как кажется, выступает специфической областью человеческой деятельности, знанием, исследующей т. н. «вечные вопросы», указывая на их особое, экзистенциальное содержание. Такая позиция может привести как к скептицизму относительно любых попыток решения этих вопросов, так и относительно метафизики (философии), формулирующей «бесполезные» вопросы, которые не предполагают «конкретных» ответов. Тезис Ф. Вайсмана о том, что «философ, желая избавиться от вопроса, не должен делать одной вещи: давать ответ. На философский вопрос не дают ответа, его устраняют» довольно убедительно подчёркивает актуализирующуюся скептическую позицию применительно к феномену истины [2, с. 92]. А устраняют философские вопросы путем прояснения смысла слов, составляющих этот вопрос. Но этого мало, прояснение смысла отдельных слов ничего нам не даёт вне их связки в контексте самого вопроса.

К примеру, два вопроса касательно нашего исследования «Что такое истина?» и «Что является истинным?» оказываются двумя совершенно разными вопросами: первый вопрос – это вопрос о том, что значит сказать, что мысли, убеждения, пропозиции, высказывания

являются истинными; второй вопрос – это вопрос о том, что именно, какие объекты (мысли, убеждения, пропозиции, высказывания) являются истинными.

Как видим, два далеко не «бесполезных» философских вопроса, имеющих резонанс в топосе научного поиска, всё же требуют смысловой корректировки, суть которой можно выразить так: два выше упомянутых вопроса репрезентируют истину в двух аспектах – как дефиницию и как критерий. Чтобы выявить особенность этих вопросов, следует сказать, что это не столько вопросы, сколько признаки глубокой обеспокоенности разума. Однако на проблему «вечности» философских вопросов можно взглянуть и иначе, не со стороны их неоднозначной интерпретации, а со стороны их непреходящей важности и актуальности.

Основное содержание. Обсуждение

Истина, Добро и Красота – это вечные человеческие ценности, непреходящие и абсолютные. Случаются в истории человечества эпохи, когда в полный голос заявляется о необходимости их тотальной переоценки. Но сами ценности по-прежнему остаются неизблемыми, меняются не они сами, а отношение к ним. Подобные трансформации мы наблюдаем в особенности и в отношении Истины.

Понятие истины всегда использовалось человечеством для обоснования своих притязаний на могущество, исключительность, превосходство. И в то же время она оказывается чрезвычайно уязвимой, становясь жертвой человеческой самонадеянности и ханжества. Человеческий разум деформировал, деконструировал Истину, отказав в праве на существование, заявив о том, что Истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок. Вот как об этом пишет Ф. Ницше: «Истинный мир – идея, ни к чему больше не нужная, даже более не обязывающая, - ставшая бесполезной, ставшая лишней...» [5, с. 572].

Как кажется, в контексте рассматриваемой проблемы истина представляется неким идолом, отжившим свой век, утратившим свою ценность. А истинный мир тождественен кажущемуся, т. е. объективированным в субъективном. И в связи с этим любое притязание научной истины на объективность, по крайней мере, некорректно.

Кризис классической науки в конечном счете нашел выражение в кризисе традиционных гносеологических представлений, о чем и свидетельствуют дискуссии вокруг классической (корреспондентной) теории истины, основная идея которой была сформулирована ещё в античности и заключалась эта идея в соотношении мысли с действительностью. Если таковое имело место, значит, высказывание о некоторой экстралингвистической реальности признавалось истинным, обратная характеристика знаменовала ложность таких построений. Как бы там ни было, но до сих пор корреспондентная теория истины является наиболее распространенной, особенно в топосе естественных наук.

Развитие науки в конце XIX - начале XX вв. засвидетельствовало факт того, что теории, считавшиеся истинными и верифицированными, оказались не истинны в строгом смысле, что представило классическую теорию истины в несколько неприглядном свете. Одним из проблемных оказался вопрос контрверзы истинных и ложных высказываний в рамках корреспондентной теории истины, в особенности вызванный открытиями в области квантовой физики.

Построение семантических теорий, анализ парадоксов теории множеств, интерес к анализу языка науки, интенсивная разработка логико-семантического аппарата усилиями Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и другими философами для теории истины вызвало значительный резонанс, когда истину стали рассматривать в отношении атомарных элементов знания: предложений и теорий, когда для многих типов предложений смысл понятия истины оказался неясен.

Важным моментом в этом процессе явилась работа А. Тарского «Понятие истины в формализованных языках», в которой истина не рассматривается как метафизическая сущность, но как свойство осмысленных предложений, которым они могут обладать или не обладать. Основную идею корреспондентной теории истины А. Тарский стремится точно сформулировать для каждого отдельного предложения. Обобщая высказывания о соответствии на примере ставшего уже классическим «Снег бел...», А. Тарский формулирует схему, выражающую приписывание предиката «истинно» конкретным предложениям:

«X истинно, если и только если P»,

где «X» представляет имя предложения, а «P» - само предложение.

Таким образом, в теории А. Тарского общая идея соответствия трансформируется в идею соответствия отдельного предложения, фактически описывающего фрагмент действительности. Фактом в данном контексте выступает содержание самого предложения. Предложенная А. Тарским так называемая «Т-схема» устанавливает критерий материальной адекватности: высказывание «снег белый» будет истинным тогда и только тогда, когда в экстралингвистической реальности будет иметь место факт белизны снега, т.е. установление истинности того или иного высказывания напрямую зависит от его корреляции с описываемым им действительным положением вещей.

Логические позитивисты рассматривали такое соответствие как подтверждаемость предложения или теории опытом. Изначально казалось возможным окончательное подтверждение (верификация) хотя бы некоторых предложений, что гарантирует истинность таковых. Однако выяснилось, что для полного подтверждения необходимо бесконечное множество проверяемых вариантов, что, собственно, физически невозможно. Поэтому возможно лишь частичное подтверждение, которое не гарантирует абсолютной истинности теории. Отказавшись на основании такого очевидного факта от понятия истины, в рамках логического позитивизма она была заменена понятием частичного подтверждения, что позволяет нам охарактеризовать логических позитивистов как дефляционистов.

Принцип верификации и понятие подтверждаемости всесторонне были раскритикованы К. Поппером. По его представлению, если подтверждение не даёт уверенности в истинности предложения или теории, то какова его тогда функция? Подтвердить можно что угодно, а потому оно бесполезно. Но, у нас есть возможность опровергнуть теорию, что даёт нам полную уверенность в том, что она (теория) ложна. Если подтверждаемость не может быть окончательной, то опровержение (противоречие между теорией и фактами) является окончательным, выступая критерием ложности. Достаточно лишь одного факта для опровержения и именно поэтому оно вполне резонно.

К. Поппер убежден в том, что мы способны установить ложность теорий. Но почему тогда мы их отбрасываем? А потому, что надеемся построить истинную теорию. Истина для К. Поппера выступает регулятивным идеалом, побуждающим ученых отказываться от опровергнутых теорий и формулировать новые. Философ полагал, что если нет критерия истины (как мы помним, подтверждаемость не может служить таковым), то у нас имеется критерий ложности как противоречие теории фактам. Мы не можем с уверенностью указать на истину, но мы можем с уверенностью обнаружить ложь. Но всё же идея истины оказывается необходимой, ибо о ложности можно говорить только в том случае, если ей противостоит её отрицание – истина.

К тому же истина обосновывает возможность прогресса науки: отбрасывая ложные теории, мы стремимся создать истинную теорию. Однако очевидным стало, что убеждение К. Поппера относительно того, что противоречие теории и фактов как несомненного свидетельства ложности теорий, исторически и методологически ошибочно. История науки свидетельствует, что всякая новая теория противоречит тем или иным фактам и такие противоречия устраняются по мере разработки теории и уточнения или переинтерпретации фактов. Однако полностью такие противоречия никогда не исчезают.

В случае противоречия теории и факта на самом деле можно лишь констатировать его наличие, но чем оно обусловлено – ложностью теории или некорректностью факта – указать проблематично. Отсюда выходит, что как подтверждаемость не обосновывает истинности теории, так и опровергаемость не обосновывает её ложности. Таким образом, само понятие истины оказывается для науки излишним и может быть устранено из методологических построений.

Значительными были успехи в исследовании научного знания У. Куайна и Р. Карнапа, в частности их воззрения на функционирование системы понятий и представлений, концептуальных систем. Аналогично идеям теории неполноты К. Гёделя, Р. Карнап и У. Куайн показали, что системы понятий и представлений не решают те проблемы, на которые он нацелены. Ряд вопросов решается вне этих систем, посредством здравого

смысла, через диалог. В этом контексте уместно вспомнить о «языковых каркасах» Р. Карнапа как о способе выражения, создающим новые правила обращения с языком.

Понятие «языкового каркаса» предполагает различие двух уровней вопроса существования: внутренние и внешние. Внутренние вопросы - это вопросы о существовании объектов, для которых собственно и был построен «языковой каркас». Они ставятся в рамках этого «каркаса», этот же «каркас» позволяет формулировать ответы на эти вопросы. Внешние вопросы касаются той области бытия, к которой относится данный языковой каркас.

«Языковые каркасы» отчасти решают задачу соотношения метафизики и науки, остро поставленную в рамках позитивизма. Но у Р. Карнапа демаркация науки и метафизики условна. «Метафизические вопросы» не рассматриваются им как безнадежно неразрешимыми. Их можно позитивно рассматривать, построив соответствующие «языковые каркасы», задав терминологию, значения имен и условия истинности предложений. Т.е., фактически любой философский вопрос, в том числе и вопрос касательно сущности и природы истины и истинности, пребывает в плоскости лингвистической проблематики, а потому, проблему истины должна решать не философия науки, а философия языка.

Критика концепции «языковых каркасов» нашла своё отражение, в частности, у У. Куайна. Его статья «Две догмы эмпиризма» посвящена осмыслению феномена догм эмпирической философии и философии науки, в которой мыслитель разрабатывает философию, основанную на принципах научной точности и плюрализма.

У. Куайн указывает на такие догмы: дихотомия аналитических и синтетических суждений, а также редукционизм. Напомним, аналитические и синтетические суждения различал уже И. Кант. Под аналитическими он понимал те суждения, где предикат выражает лишь то содержание, которое уже заложено в субъекте, а под синтетическими те, где предикат дополняет субъект новыми признаками. У. Куайн же аналитическими называл те предложения, истинность которых вытекает из языка, на котором они сформулированы, а синтетическими - те предложения, установление истинности которых требует непосредственное обращение к фактам.

Но «догматическое» различие аналитических и синтетических суждений укрепляет концепцию «языковых каркасов» Р. Карнапа. В частности, аналитические суждения выполняют роль фиксатора «языковых каркасов», а именно, принимая тот или иной языковой каркас, мы принимаем некую совокупность аналитических предложений. У Р. Карнапа аналитические предложения собственно и задают то, что называется языковым каркасом. Построить языковой каркас, значит построить некий словарь, определить правила образования предложений и текста. Кроме того, надо договориться о значениях слов и условиях истинности предложений. Если все это сделано, то перед нами совокупность аналитических предложений, истинных уже в силу того, как построен данный каркас.

Соответственно, и сама истина будет целиком зависима от того или иного каркаса, обслуживая каждый в отдельности, свидетельствуя о пролиферации истин как закономерный результат пролиферации языковых каркасов. Но поскольку не совсем корректно утверждать, что положения теории в рамках одного языкового каркаса более истинны нежели в рамках другого, то уместным представляется отказаться от самого понятия истины, заменив его более «гибким», например, достоверность. Но это уже, как нам представляется, тенденция к прагматизированному дефляционизму.

У. Куайн скептически относится к дихотомии аналитических и синтетических суждений. Он различает лишь синтетические предложения, истинные в силу опыта и конвенции, предложения истинные в силу соглашения. Философ значительно расширяет класс конвенций вплоть до законов логики и аксиом математики.

Высказывания в рамках естественных наук также обусловлены конвенцией. Синтетические предложения истинны в силу опыта, но возможны такие ситуации, когда целесообразна жертва каким-либо предложением чистой математики и логики ради сохранения положения естественной науки. Т. е., случаются трудности согласования теории и эмпирии, что приводит к корректировке логического аппарата науки. Чаще всего корректируются те фрагменты знания, которые непосредственно сопряжены с опытом.

Вторая «догма» У. Куайна – это догма редукционизма, под которым он понимает позицию, предполагающую редуцируемость содержания знания к структурам опыта.

Т.е., утверждается, что языковые конструкции являются осмысленными в той мере, в которой они наполнены эмпирическим содержанием, описывают эмпирические факты. В противном случае они являются просто совокупностью, набором знаков.

У. Куайн признаёт определяющую роль опыта в познании, но философ допускает, что теории не обязательно описывают эмпирические факты и необязательно служат посылками в выводе эмпирических фактов. Они могут быть связаны с эмпирией опосредовано через другие теории. Вся совокупность нашего так называемого знания или убеждений, - заявляет У. Куайн, - есть человеческая конструкция, которая соприкасается с опытом только отчасти, периферийно, когда необходимым становится перераспределение истинностных значений целого ряда высказываний [4, с. 75]. Это подтверждает тезис о маргинальности истины, засвидетельствующая апофеоз дефляционизма.

По словам Дж. Остина, вопрос об истине заключается в том, что она «сама по себе есть лишь абстрактное существительное, верблюд, который тащит на себя логическую конструкцию и который не может пройти незамеченным даже мимо грамматика... Мы спрашиваем себя, является ли Истина субстанцией... , качеством ... или отношением (соответствия)... Что же представляет собой то, о чем мы говорим, что оно истинно или ложно? Или, как именно выражение «является истинным» используется в предложениях естественного языка?» [6, с. 138].

Проблема связывания истинностного значения с высказываниями в пределах обыденного языка, как уже было сказано, актуализировала дефляционистские тенденции относительно понятия истины. Так, у А. Айера читаем: «обычно предполагается, что дело философа, который связан с «истиной», - это ответить на вопрос: «Что есть истина?», - и что на этот вопрос есть единственный ответ, о котором справедливо можно сказать, что он и составляет «теорию истины». Но когда мы приступаем к рассмотрению того, что на самом деле влечет этот знаменитый вопрос, то обнаруживаем, что это вопрос, не поднимающий какую-то подлинную проблему, и, следовательно, для его обсуждения не может требоваться никакая теория» [1, с. 125].

По мнению философа, все вопросы, имеющие форму «Что есть X?» требуют определения специфики применения «X». Есть предложения, в которых встречается «X» и которые должны транспонироваться в эквивалентные предложения, не содержащие «X» или его синонимов. Применяя к вопросу «Что такое истина?» представленную схему, когда «X» - истина, получаем предложение вроде «(предложение) р - истинно». Как замечает А. Айер: «во всех предложениях формы «р истинно» выражение «истинно» логически избыточно» [1, с. 127].

Итак, сказать, что предложение истинно, означает всего лишь его утверждение, тогда как сказать, что оно ошибочно – значит утверждать его отрицание, противоречие. Это указывает, что понятие «истина» и «ложь» ничего дополнительно не обозначают, а функционируют в предложениях только как знаки утверждения и негации. В таком случае, как свидетельствует А. Айер, вообще бессмысленно анализировать понятие «истина».

Тенденция дефляционировать понятие истины, по крайней мере, в пределах обыденного языка, находит свое продолжение в концепции «позднего» Л. Витгенштейна. Так, по его мнению, «истинность определенных эмпирических предложений относится к нашей системе референций» [3, с. 333], а «в употреблении выражений «истинно или ложно» есть нечто дезориентирующее» [3, с. 347]. Так как не существует единых критериев истинности для всех языков и языковых игр, то мыслитель предлагает отказаться от категории «истина», заменив её категорией «достоверность». Достоверность, согласно концепции Л. Витгенштейна - не просто то, в чем человек убежден, а то, в чем он не может быть не убежден.

Дж. Остин, критикуя идеал точного и логически четкого знания, описывающего факты, считает, что построенная на эмпиризме и логицизме, такая методология анализа является ошибочной. Британский философ связывает это с недостаточной точностью наших ощущений, возможностью совпадения ощущения и физического объекта. На самом деле, мы оперируем только данными, которые являются обозначениями наиболее привычных употреблений наших ощущений. Эти обозначения, в истинности которых мы уверены, следует называть «суждениями чувственного восприятия». Дж. Остин в связи с этим, как и

Л. Витгенштейн подчеркивает необходимость замены категории «истина» категорией «достоверность».

Однако идея соответствия суждений фактам как критерий истины, согласно позиции Дж. Остина, не может быть полностью отброшена, ее необходимо лишь дополнить. Так, во многих ситуациях ставится вопрос не об истинности или ложности восприятия, а о его уместности, адекватности, точности и т.п. Так, например, какими, истинными или ложными можно назвать предвыборные обещания кандидатов на государственные должности?

Ввиду этого, Дж. Остин предлагает заменить корреспондентную теорию истины как теорию соответствия «теорией коммуникации», которая, по его мнению, расширит диапазон теоретического описания опыта. Характерным для любой языковой игры как одной из форм опыта, является то, что мы в неё верим, соответственно, значение слов конкретизируются не средствами логики, а в процедуре их (слов) применения. И поэтому несомненно, что вера в авторитет (в том числе и авторитет истины) является частью акта коммуникации, который мы все постоянно осуществляем.

Следствием этой критики выступает дэвидсоновская теория интерпретации и «Charity»-принцип. Д. Дэвидсон производит изыскания в области установления взаимосвязи истины, языка и реальности, трансформирующие теорию значения в теорию интерпретации, которую философ репрезентирует как теорию понимания идиолекта оппонента, в рамках которой важное место занимает «Charity»-принцип, который определяет истинность допущения того, что и проponent и оппонент видят вещи такими, какими они есть, что говорящие указывают на одни и те же события, факты, явления, по-разному только называя их.

Иначе говоря, интерпретируя высказывания своего собеседника, мы должны доверять тому, что он видит мир так же «правильно», как и мы. Мало того, мы ещё должны доверять и его способности рационально выстраивать не только образ своих мыслей, но и действий. Ввиду излишества понятия истины и конвенционального характера семантики Д. Дэвидсона, истинными теперь будут считаться не убеждения, адекватно репрезентирующие реальность, а убеждения в рамках единой когерентной системы взглядов, своего рода подобия в восприятии.

Выводы

Подытоживая, укажем, что дефляционизм лишает понятие «истина» эпистемологической и онтологической полноты, считая его излишним. Понятие «истина» является исключительно категорией лингвистики и ограничено пределами языка. Истина - это только связующее звено между объект-языком и метаязыком, выстраивающее общую иерархию метаязыков. При этом референция метаязыка вообще не обсуждается.

Примечания:

1. Айер А. Язык, истина и логика / А. Айер. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010.
2. Вайсман Ф. Как я понимаю философию / Ф. Вайсман // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2001.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. / Л. Витгенштейн. М.: Гнозис, 1994.
4. Куайн У. Две догмы эмпиризма // Куайн. У. С точки зрения логики. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010.
5. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Ф. Ницше. М.: Мысль, 1990.
6. Остин Д. Три способа пролить чернила: Философские работы / Д. Остин. СПб: Алетейя, 2006.

References:

1. Ajer A. Yazyk, istina i logika / a. ajer. M.: «Kanon+», 2010.
2. Vajsman F. Kak ya ponimayu filosofiyu // Put v filosofiyu. Antologiya. M.: Per Se; SPb: Universitetskaya kniga, 2001.
3. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. Chast I. M.: Gnozis, 1994.
4. Kuajn U. Dve dogmy empirizma // Kuajn. U. S toчки zreniya logiki. M.: «Kanon+», 2010.

5. Nicshe F. Sochineniya v 2 T. T. 2. M.: Mysl, 1990.
6. Ostin D. Tri sposoba prolit chernila: filosofskie raboty. SPb: Aletejya, 2006.

УДК 165.0+165.9

Понятие истины и дефляционизм

Андрей Евгеньевич Лебедь

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Украина
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: schwarzschwanenreich@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются некоторые философские теории, заложившие начала дефляционистского подхода к феномену истины. В контексте этого, анализируются перспективы классической (корреспондентной) теории истины в системе научного знания.

Ключевые слова: истина, дефляционизм, корреспондентная теория истины, дефляционные теории истины.